

МАЙСКІЙ ЛИСТОКЪ.

1824.

МАЙСКІЙ ЛИСТОКЪ

1 8 2 4.

ВЕСЕННИЙ ПОДАРОКЪ

Д Л Я

ЛЮБИТЕЛЬНИЦЪ И ЛЮБИТЕЛЕЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЭЗИИ.

—————xoxoxoxox—————

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

1 8 2 4 г о д а.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

Санктпетербургъ , Юня 23 дня 1824 года.

*Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Александръ Красовскій.*

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

(Издашель сей книжки, за нѣсколь-
ко дней, до поспувленія оной въ пе-
чась, препроводилъ ее въ рукописи
къ одному изъ извѣстнѣйшихъ Лип-
ператоровъ, славящихся въ нынѣш-
нее время *образцовыми* своими разбо-
рами новѣйшихъ произведеній Оче-
чественной Словесности. Вотъ раз-
говоръ, который имѣлъ Издашель съ
симъ *образцовымъ* кришикомъ, при
полученіи отъ него рукописи своей
обратно. Олѣ помѣщается здѣсь поч-
ти отъ слова до слова.)

Изд. Надѣюсь, М. Г., что вы, съ
своиспвеннымъ вамъ снисхожденіемъ,
извините меня за то, что я доста-
вилъ вамъ нѣсколько, можетъ быть,

IV

весьма непріянныхъ минушь, обременивъ мою просьбою, разсмотрѣть предназначаемую мною къ изданію рукопись, и предваритель-но сообщить миѣ мысли ваши, ко-норыя вы получите о достоинствѣ оной.

Кр. Я почитаю это лишнею съ вашей стороны учтивостію. Если-ли не ошибаюсь, то, кажется, Ка-рамзинъ, не помню, въ какомъ сочи-неніи своемъ, сказалъ, что припвор-ное Авторское смиреніе, также не-сносно, какъ и не соразмѣрное къ са-мому себѣ пристрастіе и самохваль-ство.

И. Я весьма съ симъ согласенъ, но вамъ извѣстно, что я вовсе не спи-хошворецъ, или, по крайней мѣрѣ, пьесъ моего сочиненія въ сей руко-писи нѣтъ; слѣдственно я могу из-бѣгнуть ошъ такового нареканія.

К. Изъясная мысль нашего писателя я вовсе не имѣлъ намѣренія обращать оной на васъ. Впрочемъ, миѣ кажется, что вы, бывъ только Издашелемъ рукописи, въ которой ничего изъ вашего сочиненія не находишся, можете сами *смѣло* понимать доспоишства и недоспапки, ештли шѣ, или другіе, находящя въ пьесахъ, помѣщеныхъ въ сей рукописи. А потому вы, бывъ только Издашелемъ оной, шѣмъ менѣе должны имѣшь вліянія на похвалы и порицанія, которыя можете обратишь на себя предназначаемая вами къ изданію рукописи: шѣмъ болѣе вы можете быть увѣрены въ искренности мыслей моихъ, относящихся къ сему предмету.

И. Чѣмъ болѣе сужденіе ваше будетъ искреннѣе, шѣмъ болѣе я почту себя вамъ обязаннымъ.

VI

К. Начнемше съ заглавія. Почему вамъ, вздумалось сей рукописи при-
дать пипуль *майскаго листка*. По
этому вы намѣрены въ слѣдующіе
мѣсяцы выдать листки Іюньскій,
Іюльскій, и такъ далѣе.

И. Совсѣмъ нѣпть. Заглавіе мною
придано безъ всякаго намѣренія. Со-
бравъ во *едино* нѣсколько новѣйшихъ
произведеній Опечесивенной Поэзіи,
я предположилъ ихъ выдать особен-
ною книжкою, въ видѣ Майскаго по-
дарка для любителей Поэзіи. По мое-
му мнѣнію лучше въ годъ одинъ *разъ*
привесить удовольствіе или скуку
любителямъ чтенія, нежели всякой
мѣсяцъ невольно

Имъ доставлять
Несносно бремя,

и заспашишь

Ихъ убиваешь
Напрасно время!

К. Но вашъ Майскій листокъ столь пространенъ, что не можешь доставить читателямъ своимъ удовольствія или скуки болѣе двухъ часовъ. — Если вы хотите выдать его въ видѣ весенняго подарка для любителей Поэзіи, то не лучше ли бы его нѣсколько увеличить, хотя вдвое.

И. Ахъ, М. Г! сколько мы имѣемъ сочиненій, въ которыхъ одна только краткость служитъ существеннымъ достоинствомъ.

К. Весьма согласенъ. Впрочемъ, можно не обращать вниманія на предметы, столь посторонніе вашему намѣренію. О заглавіи книги ни кто не шанеть распространять ни полковъ, ни споровъ; да и вѣроятно вы читали, въ одномъ изъ нашихъ періодическихъ изданій (кажется еженедѣльныхъ) помѣщенную

VIII

на сихъ дняхъ кирпическую спашью,
въ кошорой сочинитель подтвердилъ
справедливость своего мнѣнія не-
большею выписочкою изъ одного, до-
стойнаго безсмертія, творенія

Но что намъ нужды до названья,
Положимъ

Не опасаетесь ли и вы подпасть
подобному же печальному жребію?

И. Вовсе нѣтъ, М. Г., шѣмъ бо-
лѣе, что въ нынѣшнее время весьма
мало испинной, благонамѣренной
кирички; киррички, опышной и без-
приспращной, кошорая бы, иску-
снымъ опредѣленіемъ своимъ, спро-
го опличала, дурное опъ посред-
спвеннаго, и посредспвенное опъ
лучшаго. Большая часть нынѣшнихъ
наблюдателей Опечеспвенной Сло-
весности не могутъ удовлетвори-
тельно поддержать важность своей
обязанности. Посредспвенные сами,

они не могутъ судить и о предметахъ, весьма посредственныхъ.

К. Боже мой! что вы говорите? сколь очевидной вы подвергаете себя опасности, если наши Аристархи узнаютъ о такомъ образѣ вашихъ мыслей. Если нѣкоторые изъ оныхъ и неговорятъ правды, то единственно потому, что боясь слышать ее о себѣ. Неужель вы не опасаетесь ихъ мщенія?

И. Вы шутите, М. Г. Кто въ нынѣшнее время избѣгаетъ порицанія? Неужель вы позабыли превосходное изрѣченіе знаменитаго Крылова, перомъ котораго водила сама истина?

Хулили на что ни взглянуть,
Подымутъ вѣчно лай;

А ты себѣ своей дорогою ступай:

Полаютъ, да отстанутъ!

Вотъ единственное правило, кошо-

Х

рымъ въ подобномъ случаѣ надобно руководствоваться. Не ужель вы въ помѣ не будете согласны, что

Сколь ни презришелевъ невѣждѣ подобный лай,

Но не обидны имъ подобныя сравненья,
И сколь ихъ въ помѣ ни укоряй,
Они не чувствуютъ презрѣнья!

Я же, являясь на сцену съ своимъ Майскимъ листочкомъ, въ которомъ подобныя хулители болѣе ничего не найдутъ, кромѣ какихъ нибудь пяппадцаши, вовсе незначащихъ, по содержанию своему, небольшихъ спихотвореній, и которыхъ имена Авторовъ сокрыты подъ мракомъ глубокой неизвѣстности, могутъ много опасаться ихъ гоненія?

К. Но вы знаете сколь хулители сего рода, привязчивы?

И. Они найдутъ къ чему привязаться: — въ эпюмъ я увѣренъ.

К. Скажите, для чего имена Авшоровъ пьесъ, помещенныхъ въ вашемъ Майскомъ листкѣ, всѣ скрыты, шѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ оныхъ, кажешся, уже извѣсны публикѣ?

И. На это я испросилъ предварительно ихъ согласіе. О достоинствѣ сочиненія, просвѣщенная публика судить по его содержанию, а не по имени Авшора.

К. Неоспоримо — но предубѣжденіе, М. Г., предубѣжденіе. . . .

И. Оно чуждо понятію истинныхъ знакоковъ. По содержанию сочиненія, очень не затруднительно опгадать имя его Авшора. Въ сихъ же пьесахъ, вы ненайдемъ рабскихъ подражаній иностраннымъ писателямъ, или весьма плохихъ снимковъ съ хорошихъ оригиналовъ, кощорые споль часшо искажающся нынѣ переводами.

К. Какъ! А рыбакъ, баллада, развѣ также принадлежишь къ оригинальнымъ пьесамъ?

И. Извините — я вовсе и за былль о сей пьесѣ. Это опытъ одного новаго Поэта. Знашкки увѣряють, чно сей новыи переводъ, еспьли не превосходнѣе, то, по крайней мѣрѣ, ближе къ подлиннику, прежнихъ. Вамъ, вѣроятно, памятна еще ужасная война, возгорѣвшаяся года за три предъ симъ, между Московскими и Санктпетербургскими Журналистами, за переводъ баллады сей Г. Ж. — Въ томъ переводѣ однѣ только запятыя и двоеточія оставлены безъ вниманія, а попому и безъ порицанія; впрощемъ, каждая спрочка, каждое почти выраженіе, подверглись неизчислимымъ укоризнамъ и насмѣшкамъ неумолимыхъ, споустыхъ кришниковъ; и несчастный переводъ, счастливаго, по оп-

личнымъ дарованіямъ своимъ, знаменитаго Поэта нашего, поступилъ, по общему приговору зоиловъ, въ Липшерапурную Кунсткамеру. Я съ своей стороны долженъ сознаюсь, что надобно пожалѣть объ опважности новаго Поэта, являющагося, послѣ подобнаго примѣра, съ своимъ переводомъ, и пожелаю оному успѣха счастливаго.

К. Я нахожу въ вашихъ словахъ собственное себѣ противорѣчіе. Если ли переводъ не поддерживаешь достоинство своего подлинника; если ли въ переводѣ не переданы всѣ красоты подлинника, то таковой переводъ не лучше ли причислить къ пѣмъ рабскимъ подражаніямъ, о которыхъ вы упомянули. Но оставимъ это. Я долженъ искренно вамъ признаться, М. Г., что въ нѣкоторыхъ пьесахъ, помещенныхъ въ вашемъ Майскомъ листкѣ, весьма за-

мѣтна худая опѣлка слога, многіа негладкости, шароховости. . . .

И. Весьма сознаюсь въ оныхъ. Сіа пьеса во все не были предназначены въ скоромъ времени къ печати, и я могу увѣрить васъ, М. Г., что какъ оныя были на скоро написаны, въ такомъ почини видѣ и являюся въ Майскомъ листкѣ. Какъ Авшоры оныхъ, такъ и я, во все не имѣли времени озабошиться рачительнѣйшею обработкою слога.

К. Мнѣ кажется, что излагаемая вами причина во все не можетъ быть извинительна. Къ чемужь спольсванная послѣдностъ? Не лучше ли промедлишь нѣсколько времени изданіемъ вашей рукописи, и заняшь ся исправленіемъ тѣхъ погрѣшностей, которыя и вы споль ясно усматриваете?

И. Иногда встрѣчаются случаи, избѣжать которыхъ, естли не не-

возможно, то, по крайней мѣрѣ, весьма трудно. На предметъ изданія книжки сей, есть желаніе особъ, которыхъ исполнить волю, я поспавляю своею обязанностію; слѣдовательно, вы можете сами согласитесь, что я ввергаю себя невольно въ сіе обстоятельство.

К. Едва ли и сія причина будетъ вамъ извинительною.

И. По крайней мѣрѣ я сколько безпечень, что не забочусь о томъ.— И такъ, благодаря васъ, М. Г., за снисходительное исполненіе покорнѣйшей моей просьбы, и данныя вами совѣты, польза которыхъ весьма очевидна, я рѣшаюсь просить васъ еще объ одномъ предметѣ. Позвольте мнѣ, теперешній нашъ разговоръ, помѣстить, въ видѣ предисловія, къ Майскому листку. Я надѣюсь, что читатели предварительно усмотряшь изъ онаго мысли мои, и цѣль. . .

К. Понимаю. Вы вѣроятно хопите подражать въ семь случаѣ Издателю Багчисарайскаго фоншана, послѣдней Поэмы Г. Пушкина. Охотно согласенъ на сіе ваше предложеніе. Впрочемъ не полагаю, дабы такое подражаніе ваше Издателю Багчисарайскаго фоншана было удачно. Говорить, будто при изданіи сей Поэмы, онъ хопѣлъ упошребить небольшую типографическую хипрось, желая увеличить Поэму, хопя во все поспоронними стапьями.

И. О, нѣтъ! я съ своей спороны надѣюсь избѣгнушь подобнаго нареканія.

Издатель исполнилъ свое намѣреніе. Справедливостъ своего сужденія, онъ предоспавляетъ на судъ безпристрастныхъ читателей.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стран.</i>
Вмѣсто предисловія	III.
I. Возвращеніе на родину. Элегія	1.
II. Письмо къ М. Д. Б. Р.	5.
III. Въ Альбомы	10.
IV. Раскаяніе. Элегія	11.
V. Къ К. Н. А. Г. Посланіе	13.
VI. Эпиграмма	15.
VII. Надпись къ портрету	—
VIII. Рыбакъ. Баллада	16.
IX. Къ Б—му. Посланіе	18.
X. Эпиграмма	20.
XI. Въ Альбомъ Е. А. Л.	—
XII. Посланіе къ Н. Н.	21.
XIII. Убійца. Баллада	23.
XIV. Мешпроманія и Мешпроманы. Опрывокъ изъ Сатирической Поемы	27.
XV. Къ Лизѣ	43.
XVI. Исправленіе	46.

МАЙСКІЙ ЛИСТОКЪ

1 8 2 4.

I.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

Э л е г і я.

Привѣтствую тебя пустынный уголокъ,
Предѣлъ спокойствія, трудовъ, оплодотворенья,
Гдѣ льешься дней моихъ невидимый пошокъ

На лонѣ счастья и забвенья!

Я швой! я промѣнялъ

Прекрасные пиры, заботы, заблужденья,
На мирный шумъ дубравъ, на шипищу полей,
На праздность вольную, подругу размысленья!

.
.

Я здѣсь опть суетныхъ окопъ освобожденный,
Учуся въ шипищу блаженство находить,
Свободною душой законъ богошврять,
Ропшанью не внимаю шолпы непросвѣщенной;
Учаснѣемъ отвѣчать заспѣвчивой молебъ,

И не завидовать счастливейшихъ судьбъ.

П.

Я возвращуся къ вамъ родимыя дубравы,
Подъ безмятежную кровль опеческихъ полей!

Сколь сладко вспоминать мнѣ будетъ нѣ
забавы,

Которыя вкушалъ я въ юности моей!

Я возвращусь къ тебѣ священная обитель,
Злапая колыбель первоначальныхъ дней!

Сколь счастливъ въ жизни пошлъ, кто съ
родиной своей

Не знавъ разлуки былъ ея всегдашній житель!

Покорный жребію, я не хотѣлъ ропсать
И на суровое его опредѣленье!

Удѣломъ было мнѣ единое перпѣнье,

Удѣломъ было мнѣ лишь въ шайнѣ уповать!

Томясь въ забвеніи, въ чужбинѣ отдален-
ной,

Я могъ ли сладостныхъ опрадъ не вспо-
минать,

Которыя имѣлъ я въ родинѣ безцѣнной,

И могъ ихъ нѣкогда въ безопасности вку-
шать!

Всего бывъ чуждъ; всего лишеныѣ,

Опъ милыхъ сердцу отдаленный,

Я долженъ былъ всѣ дни въ уныніи влачить!

Съ одной лишь музою, мнѣ вѣрной и по-
слушной,

Могъ иногда свою шоску я раздѣлишь,
И презиралъ невѣждъ всѣ полки равнодушно!

Спокойно слушалъ я и пересуды ихъ,
Какъ изчисляли всѣ они мои пороки,

И думали въ сужденіяхъ своихъ

Мнѣ дашь помезные уроки!

Онижь и оцѣнишь моихъ свойствъ не могли,
И споль въ сужденіяхъ своихъ слѣлыми
были,

Что и достоинство порокомъ находили,
Пороки же мои достоинствами чли!

Я видѣлъ ясно въ ихъ очахъ негодованье,
И имъ пренебрегалъ!

Я съ равнодушною улыбкою внималъ

Ихъ душъ зависпливыхъ ропшанье!

Но упомившися бездѣйствіемъ своимъ

И досажая самъ гонителямъ моимъ

Всѣ средства укоряшь меня, я презрѣвъ ими

Бѣшился лучшихъ дней съ терпѣньемъ
ожидать,

Въ уединеніи спокойствіе вкушашъ,
Чѣмъ рабствовать душой и чувствами
предъ ними!

* * *

И такъ увижу вновь я кровь священный
пиво́й
Госпепрімная, Опеческая хапа!
Невольный пруженикъ, съ свободною душой,
Я возвращусь подъ сѣнь домашняго Пенаша!
Примите искреннѣй питомца своего,
И дайте уголокъ въ пріюсть отдохновенья!
Лишь вы изгладите изъ памяти его
Вселившіяся въ немъ печальны впечатлѣнья!
И совершивъ судьбой назначенный мнѣ путь,
Святая родина! спѣшу я отдохнуть
На лонѣ пишины и сладкаго забвенья!
Я *тамъ* увижу все, о чемъ пвердили мнѣ
Невѣрныя мои мечты въ минувши годы!
О, други милые! въ родимой споронѣ
Мы можемъ лишь вкушашъ пріятности
природы!

А ты, безцѣнная подруга юныхъ дней,
Ты воскреси, хошя на крашкое мгновенье,
Воспоминаніе о юности моей!

И ласкою привѣтною своею
Пробудишь ты во мнѣ любовь и вдохновенье!

— нб.

II.

Письмо къ М. Д. Б. Р.

Любезный дядюшка! спѣшу поздравить васъ
Я съ наступающимъ Христовымъ Воскре-
сеньемъ!

Вы вѣрно знаете, что всякъ почти изъ насъ
Убогихъ риемачей, съ подобнымъ поздра-
вленьемъ,

Спѣшишь съ усердіемъ для радостнаго дня
Къ особѣ для него безцѣнной у меня
Сверхъ поздравленья есть еще для васъ
желанье,

Чтобы вы, дядюшка, (имѣйте упованье)
Въ здоровьи, въ счасшии, достигли позд-
нихъ лѣтъ!

Всего вамъ лучшаго желаетъ вашъ Поэтъ!
Однакожь я боюсь наскучить вамъ — про-
стите,

И, есшьли можно, по, хоть спрочку на-
пишите!

Post-scriptum: я боюсь и даже приписатьъ,
Знавъ по, что вы стиховъ не любите чи-
тать. *)

Однакожь крапко такъ не хочется оста-
вить,

И надобно еще хоть спрочки двѣ прибавить!

Мнѣ съ приемами бѣда: опъ нихъ я пропаду!

Лишь только за перо, по пошчасъ попаду

На оду, иль сонешъ, иль разомъ эпиграмму

Родишь на уродливую драмму!

Что дѣлать? къ приемамъ спросить опаснѣй
чѣмъ чума!

Не я одинъ опъ нихъ, несчастный, безъ ума!

*) Разумѣется только дурныхъ. Сог.

Ахъ, сколько, дядюшка, моихъ спрадаль-
цевъ — брашій

Подобно жь съпуютъ; и тысячи проклятій
Приносятъ на Парнассъ! Иной дней семь
не спишь,

И все надъ одою водяною корвишь!

Другой полмѣсяца потѣеши надъ балладой,
А прешій иногда и даже надъ шарадой
Рвешь волосы свои, клянясь, что Инвалидъ
Ума его такой бездѣлкой дорожишь!

Вошь спихотворцевъ жизнь! вошь учасъ
ихъ какая!

Весь вѣкъ досадоваешь пера не покидая!

Спараешься, чпобъ всѣмъ спишками уго-
дишь,

Но выйдешь, что успѣлъ лишь ими упо-
мишь!

Не спанешь своего—не спрячется чужое!

Парни и Маттисонъ останутся ль въ покоѣ?
И Байронъ съ Мильвуа, и Ламаршинъ, и
Грей,

Подъ кохши хищныя угрюмыхъ риемачей,

И не украдкою не рѣдко попадаютьъ,
И о пощадѣ ихъ напрасно умоляютъ!

Еще *Post-scriptum*: я, предъ вами ви-
новатъ!

Хотѣлъ лишь спрочки двѣ, а написалъ
страницу. *)

Выходишь въ пятьдесятъ умножилъ еди-
ницу!

Проспите, дядюшка! ей, ей, я самъ не радъ,
Что гибельную страсть стихи пишешь
имѣю,

А занимаешь умовъ стихами не умѣю!

У жалкихъ рюмачей вѣдь одинаковъ нравъ:
Онъ безхарактеренъ! Измайловъ очень
правъ:

„Рюмачъ и пьяница равно несчастны оба:
Одинъ все будешь пить, другой пишешь до
гроба!“

И крашкоси нѣтъ въ нихъ — вопль хо-
чешь переспать,

*) А по нашему формату почти двѣ. *Издати.*

Но вдругъ подумаешь: еще хоть строчекъ
пяль!

Никпо избавишься бѣды сей не научишь!
Парнасскій сапана до гроба насъ замучишь!

Однакожь, я винюсь, и болѣе грѣшу,
Но кончу, дядюшка, и только напишу
Двѣ строчки—почести, ни менѣе, ни болѣе,
И кой-какъ по своей шеперь я кончу волѣ!
Жаѣшель о мнѣ? я самъ себѣ тиранъ!
Спрадаю, но . . . пишу! о жалкій Метро-
манъ!

Б-ѳ-Р-ѳ.

Апрѣля дня

1824.

III.

ВЪ А Л Ь Б О М Ы.

1.

Матери, въ день ея ильянинъ.

Для чувствъ сыновнихъ нѣтъ ни словъ,
ни выраженій!

Какой ихъ изъяснишь намъ можешь чуд-
ный Геній?

Онѣ чипающа въ признашелейныхъ очахъ,
Привѣшствіяхъ души и радостныхъ сле-
захъ!

М.

2.

Н. Я. Бр.

Усердно я швое желанье,
Гоповъ исполнишь, милый мой,
Чтобы о мнѣ воспоминанье,
Не разлучалоя съ шобой!

Не вѣчно намъ судьба судила
Въ семьѣ бышь дружеской своей;
Она намъ, милый другъ, бышь въ ней-
Лишь крашкѣй мигъ опредѣлила!
Воспоминанье каждый часъ
Оспрадно въ сердцѣ неизмѣнномъ;
И мысль о другѣ опдаленномъ
Не рѣдко пламенѣеть въ насъ!
Б. Р.

IV.

РАСКАЯНИЕ.

ЭЛЕГИЯ.

Я не Поэшь — возмите лиру,
Сорвите розовый съ главы моей вѣнокъ!
Я не Поэшь — дерзнулъ колы славить міру
Не добродѣтель, но порокъ!
Я омрачилъ достойное искусство
Поносной пѣснью своей;
И негодующее чувство
Теперь кипитъ въ душѣ моей!

Я омрачилъ свою цѣвницу,
И ознакомивъ съ нею лествъ,
Забылъ богини гордой честьъ
Унизивъ истинны пѣвницу!

О, Музы! я не вашъ! почто свою вы местъ

Досель не низпослали?

И недоспойнаго Пѣвца

Почто доселѣ не лишали

Лавроваго вѣнца,

Которымъ вы его не право украшали?

О, Музы! я не вашъ! съ порокомъ съединясь,

Не уважая правды чести,

Не сохранивъ ее; поклонникомъ бывъ лести,

—Я долженъ рушить съ вами связь!

Я не Поэшь—мою разбѣйше лиру,

Сорвите розовый съ главы моей вѣнокъ!

Я не Поэшь—дерзнулъ коль славить міру

Не добродѣтель, но порокъ!

я. 17.

Къ К. Н. А. Г.

Гдѣ дѣвались жизни радости,
Намъ измѣнившія вдругъ?
Рано, рано нашей младости
Вянутъ розы, милый другъ!
Увядаютъ не опцвѣпшія. . . .
Все такъ прочно въ жизни сей!
Пролетѣли дни прошедшіе
И съ утѣхою своей!

Время милое, пріятное,
Для чего не длилось ты?
Время, болѣ невозвратное!
Дай намъ прежнія мечты!
Пусть любовь своимъ дыханіемъ
Разогрѣетъ нашу кровь!
Пусть своимъ очарованіемъ
Упоитъ она насъ вновь!

О, Голицынъ! неизбежнаго
Рока намъ не миновашь!
Другъ! не будемъ безнадежнаго
Чувства въ душахъ поселяшь!
И отраду упованіемъ
Мы дадимъ еще сердцамъ,
А познакомишься съ спаданіемъ
Для чего заранѣ намъ?

Будемъ, другъ мой, равнодушные,
Жизнь въ безопасности вкушашь!
Будемъ, жребію послушные,
Имъ назначеннаго ждашь!
Вѣдь его опредѣленіе
Неизвѣстно вовсе намъ!
Нашъ удѣлъ одинъ — *терпѣніе!*
Уповаемое жь *тамъ!*

— нѣ.

VI.

Э П И Г Р А М М А.

Одомараловъ кончилъ вѣкъ.
Какіе нынѣ спали годы!
Вѣдь не одинъ не плачешъ человекъ:
Однѣ его рыдаютъ оды!

И.

VII.

Надпись къ портрету.

Глядите! вотъ герой отличный передъ
вами:
Онъ грозень былъ врагамъ — нагайкой и
... .. усами!

И.

VIII.

Р Ы Б А К Ъ.

Б а л л а д а.

Вода вздымается, шумишь ,
Волнуясь въ рѣкѣ,
На берегу рыбакъ сидишь
Задумчивый, въ поскѣ.
На сѣпъ уныло смотришь онъ ;
Прохлада въ душу шла ;
Глядишь—и вдругъ изъ влажныхъ волнъ
Красавица всплыла
Она поешъ: „за чѣмъ моихъ
Манишь къ себѣ дѣшей ?
За чѣмъ обманываешь ихъ
Ты хилпросью своей ?
Ахъ! есть либѣ зналъ, какъ мило бышь
Имъ на родимомъ днѣ,
Самъ захопѣлъ бы съ ними жишь,
Ты въ вольной глубинѣ!

„Здѣсь солнце не печешъ — луна
Свой нѣжишь ликъ въ волнахъ!
Сойди къ намъ! вѣчна пищина
Рыбакъ! въ моихъ водахъ!
У насъ приятно — грозныхъ бурь
Не видимъ никогда!
Смотри, какъ ясная лазурь
Манишь тебя сюда!“

Волна вздымается, шумишь;
Плеснула на него,
Спруя — въ смятеньи онъ молчишь!
Она зоветъ его!
Она поспѣ — онъ ближе къ ней!
Плеснула вновь волна. . . .
Рыбакъ проснулся съ жизнью сей. . .
Исчезла съ нимъ она!

Б—вѣ-Р ъ.

IX.

Къ Б — му.

Ужель находишь, другъ мой милый,
Ты въ томъ оспра́ду, чшобъ всегда
Ропташь на жребій свой унылый?
Ужель веселье никогда
Своей плънительной улыбкой,
Тебя не можешь обольститьъ,
И иногда, хопябъ ошибкой,
Къ себѣ на время заманишь?
О Б й мой! печали
Всегда знакомы будушь намъ!
Мы съ первымъ вздохомъ ихъ познали!
Ты вѣрно согласишься самъ,
Чшо очевидно возражали
Съ лѣтами нашими они;
Чшо и въ счастливейше днѣ
На жребій часто мы роптали!

Къ чемужь, скажи мнѣ, упомляшь.
Еще безвременно жизнь нашу?
Не будемъ скупы раздѣляшь
Благошворительную чашу!
Ахъ! продолжительнымъ для насъ
Минуты внутреннаго счастья,
И не мучительна ли часть
Посыдной нѣги сладоспращья?
Мой другъ! не будемъ упускашь
Мы нѣ счастливыя мгновенья,
Въ копорыя даещъ вкушашъ
Свои намъ дружба наслажденья!

я. 17.

Х.

Э П И Г Р А М М А.

Безспорно, что Викуль имѣетъ чудный
геній!

Что годъ,
То пьма посланій, басень одъ;
Глядишь—и новый помъ его стихотвореній!
И.

XI.

Въ альбомъ Е. А. Л.

Въ альбомъ свой напишешь,
Ты что нибудь мнѣ приказала!
Чтожь я могу сказать?
Но, ешьли, Лида, шы желала
Знашь шайну чувствъ моихъ,
То у меня лишь то въ предметъ,
Чтобъ сей несвязный стихъ
Тебѣ напомнилъ о Поэстѣ!
М.

XII.

Посланіе къ Н. Н.;

готовящемуся издать свои сочиненія.

За чѣмъ писашь

Ты, Климъ, пуспился,

И занимашь

Собой рѣшился?

Въ швоихъ спихахъ

Однѣ лишъ риемы,

Но смыслъ въ нихъ, ахъ!

Какъ логариемы,

Мой милый другъ,

Намъ непоняшенъ!

Сколь швой *досугб* *)

Намъ непріяшенъ!

Своимъ перомъ

Слывешъ предъ свѣшомъ,

*) Ояъ придалъ своимъ сочиненіяшъ скромное заглавіе *досугеб*. Сочин.

Ты чудакомъ,
А не Поэтомъ!
И опъ большихъ
Намъ недосуговъ,
Не лъзя твоихъ
Чишашъ досуговъ!
Не лучшель жишь
Безвѣспнымъ въ свѣшѣ,
Чѣмъ всѣхъ смѣшишь
Имѣшь въ предметѣ?
Всѣмъ доставляшь
Несносно бремя,
И убивашъ
Напрасно время?

— нѣ.

ХІІІ.

У Б І Й Ц А.

Б а л л а д а.

Гроза бушевала, вѣпръ рѣзкій шумѣлъ;
Ошъ молній, небесный весь сводъ пламенѣлъ.

Шумѣлъ непрерывно пошокъ дождевой;
Ужасенъ звукъ бури осенней, ночной.

Въ окрестноссяхъ всюду просперпа была
Осеннею ночью ужасная мгла.

Звучалъ непрерывно перунъ въ небесахъ;
Днѣпровскія волны кипѣли въ брегахъ.

Вѣпръ рѣзкій съ ужасной ихъ пѣною мчалъ;
И Днѣиръ со стремленьемъ клубилъ, вол-
новалъ.

Громъ каждымъ раскашомъ грозилъ сокру-
шитьъ,
И горъ неприсступныхъ гранишь раздробилъ.

На брегъ Днѣпровскомъ, отъ взоровъ людей,
Одинъ въ сію бурю скрывался злодѣй.

Его былъ ужасенъ опчаянный взоръ;
Раскаяньемъ позднимъ терзался Злошворъ.

Спокойно на ужасъ онъ бури взиралъ;
Ея, равнодушно, онъ вою внималъ.

Его немогло въ ней ничто ужасать:
Не можетъ злодѣя душа трепещать.

Опчаянный взоръ онъ на Днѣпръ устремилъ,
И, ярости полный, злодѣй возопилъ:

„Кипите ужаснѣй, вы, волны въ берегахъ;
Звучите раскаты сильнѣй въ небесахъ.

„Не можете совѣсть во мнѣ заглушить!
Ужасно мнѣ ею терзаему быть!

„Жги, молнія! хладенъ и пламень мнѣ швой!
Обильнѣй, шуми, пы, пошокъ дождевой.

„Во мнѣ не попушишь шого пы огня,
Который ужасно споль мучишь меня!

„О буря! скорѣ меня сокруши! . . .

Невнятно моленье пресупной души!

„Когда лишь припомню злодѣйства я день,

То мнѣ Сѣрафимы являеяся шѣнь.

„Съ кровавою грудью, и ликомъ блѣдна,

Меня укоряеяъ, мнѣ мнишя, она.

„Повсюду влепаетъ въ мой слухъ сей укоръ:

„За что погубилъ ты меня, о Злошворъ?“

„Ужасно злодѣю дни жизни влачипъ;

Ужасно злодѣйствомъ терзаему бышъ!

„Почто я во гнѣвѣ его совершилъ?

Почто я супругу невинну убилъ?

„И шрое несчастныхъ малюпокъ дѣшей,

Всѣ умерли скоро, шоскуя по ней!

„О дѣши! сколь вась мнѣ и мапери жаль!

Сколь душу злодѣя терзаеяъ печаль!

„И слышитяся всюду шеперь мнѣ укоръ:

Дѣшей и супруги убійца Злошворъ!

„За чѣмъ злодѣянье свое я плаю
За чѣмъ не ушѣшу я душу свою?

„За чѣмъ, я, скрываюсь людей, по лѣсамъ?
За чѣмъ палачу я себя не опдамъ?

„Мнѣ смерпью своею грѣшно умереть;
Мученія казни мнѣ должно шерпѣть!

„Но вѣпть! шого долго еще ожидапть!
Я совѣспью болѣ не въ силахъ спрадамъ!

„Тяжелъ мнѣ мракъ ночи—несносенъ мнѣ
день;

Меня Серафимы преслѣдуепть пѣнь!

„Съ пѣхъ поръ я не знаю спокойнаго сна;
Мнѣ мнипся, повсюду, со мною она!

„И шрое малюшокъ, умершихъ за ней,
Мнѣ шепчупть: убійца своихъ пы дѣпей?

„Нѣпть! полно злодѣйспвомъ шерзаему быпть,
Томишья въ спраданьи, и полно мнѣ жипть!

„Я вижу — не волны Днѣпровски сіи!
Мнѣ мнипся, шумяпть то, кровавы спруи!

„Примите, о волны, меня вы скорѣй,
И скройте злодѣя въ пучинѣ своей!“

Умолкъ—и желанный свершилъ онъ свой
рокъ,
И ринулся съ берега въ шумящій пошокъ.
Двѣпровскія волны кипѣли въ берегахъ,
И грянулъ съ раскатомъ перунъ въ небесахъ!

— лб.

XIV.

МЕТРОМАНИЯ И МЕТРОМАНЫ:

(Отрывокъ изъ Сатирической Поэмы.)

О сестры мудрыя! вы слухъ свой опклоните,
Коль слушать пѣсни вы моей не захотите!
Бышь можешь дикимъ мой покажется вамъ
гласъ!
Презрише пѣснь мою—я извиню васъ!
Я знаю—въ наши дни не рѣдко Эпопеи,
Терзають души въ насъ, какъ лютые
злодѣи!

Я знаю—пасынки уродливые Музы,
Тираняшь часпо въ насъ умъ, чувства,
слухъ и вкусъ!

О жалкіе сыны насмѣшливой природы!
Когда престанете писать свои вы оды?
Почувствуете ли когда и стыдъ и грѣхъ?
Когда престанете намъ въ горѣ дѣлать
смѣхъ?

Когда ославите свои любимы драммы,
Слагашъ нелѣпыя шарады, анаграммы, *)
И мѣлочъ всякую заковывать въ стихи?
Вы вѣрно грамашу узнали за грѣхи!

*) Не слишкомъ ли нападаешь Авторъ на невинныхъ писателей Шарадъ и Анаграммъ (прибавимъ къ тому Омонимоеъ и Логогрифовъ,) невинныхъ, въ полномъ смыслѣ сего слова? По многимъ десяткамъ примѣровъ, ежедневно почти намъ встрѣчающихся, можно убѣдиться въ истиннѣ, что для сочиненія ихъ не надобно знать никакихъ наукъ; не надобно имѣть ни образованія, ни таланта; пребудетъся одного только, дабы рука перомъ еодила.

Изданъ.

Сколь пы размножилось, къ несча-
стью, въ наше время,
Нелѣпныхъ приемачей, о жалоспное племя!
Почто своими днесъ нелѣпостями пы,
Спрямишься помрачить Парнасса красоты?
Къ чему пы мысль свою порочну обращаешь,
И безпрестанно бѣгъ свой болѣ устремля-
ешь! . . .

Тираны языка! . . . ужели никогда,
Не можешь кто изъ васъ почувспвовать
спыда,
Терзанья совѣсти, и всѣ ея мученья,
За плоскія свои различны сочиненья? . . .

Почто дерзаете, несчастные, шворить,
Коль спрочки правильно не въ силахъ на-
черпить?

Почто образовать себя вы не умѣли,
Коль дерзоспную мысль вишійспвовать
имѣли? . . .

Вы скажете на шо: „бѣда не велика!
Мы пишемъ отъ того, что гештся рука!
Когда не нравимся, шо вы насъ не чипайте,

А впрочемъ же, какъ вамъ угодно, пори-
цайше!“

Довольно симъ могли себя вы оправдать!
И пакъ, коль имя мы умѣемъ подписашь,
То смѣло можемъ быть немедленно швор-
цами,

И всякой вздоръ слагаешь и прозой и стихами!
Вещь не мудреная, согласенъ я и самъ!

Конечно въ Авторство пустишься можно
вамъ:

Гусей доспапочно — бумажныхъ фабрикъ
много,

А мѣлочныхъ писаекъ не слишкомъ судяшь
строго!

Пусть холодъ жарокъ ихъ, пусть холоденъ
ихъ жаръ,

Но чтобы не было, все книга, все шоварь!

И объявленія сколь привлекающъ нынѣ!

Пріятно и прочесть, что въ книжномъ ма-
газинѣ

Такого-то, на дняхъ вновь вышедшая въ свѣтъ
Въ цвѣтной оберточкѣ, имѣешь и виньетъ,

За столько-то рублей кому купишь угодно,
Да за вѣсь приложи еще иногородной!

И дѣло рѣшено — и книгу знаешь свѣшь!
Читаешься она, въ помѣ надобности нѣтъ!
Межь миліонами, умовъ различныхъ много!
Есть тѣ, которые не взыскиваютъ строго!
Есть тѣ, которые хоть не читаютъ книгъ,
Но поставляютъ въ грѣхъ, чтобъ не
имѣть имъ ихъ!

И та богата мысль для книжныхъ же под-
писокъ,

Чтобъ помѣстить въ концѣ или въ началѣ
списокъ

Особъ, которые за кровные рубли,

Чесъ получить сію печатную могли!

Есть тѣ, которые въ обихели далекой,

Охотники блискать своей библиотекой!

Заикинъ, Глазуновъ, шлютъ каждую почту
имъ,

Не малые тюки съ товаромъ дорогимъ;

По часпой же весьма прибывкѣ сихъ то-
варовъ,

Не могутъ опустѣть запасы ихъ анбаровъ!

Риемоплешеніе опаснѣе чумы!

Коликой жалости доспойны шѣ умы,
Которы риеменной проказой заразились,
И буквы выучивъ, вдругъ риемы плескъ
пустились!

Да какъ же? вѣдь иной до шѣхъ поръ и
не ѣстъ,

Доколь не подберешъ спа риемъ въ одинъ
присѣстъ!

Имъ мысли не искашь, а правила—ихъ чужды,
А логика сама въ нихъ не имѣетъ нужды!
Предметы же они находятъ каждый шагъ,
Которы воспѣвашъ приличнымъ чпушъ въ
сппхахъ.

На именины чьи, на бракосочетанье,
Всѣ въ голосъ заревушъ: „мое, мое желанье,
Прими, великій мужъ! будь счастливъ и
живи

Въ позднѣйшихъ временахъ въ почтеньи
и любви!

Когдабъ существовалъ, герой, ты въ пре-
жни вѣки,

Тебя члибъ Римляне, богошвори либъ Греки!“

Пошомъ десяпка два иль три соспавя
 шпрофъ,
Всякъ думаетъ себѣ — госпинецъ мой го-
 шовъ!
Какую же ему нечаянность доставлю,
Коль поздравленіе печашное представляю!
Бѣжишь безъ памяши--и Цензоръ подписалъ!
Тамъ въ шипографію — и спанъ ужъ за-
 шрещаль!
Тамъ къ переплешчику—и ода ужъ гошова!
Хопъ въ пошь; же день ее за рубль у Гла-
 зунова
Охотникъ новоспей Словесности купивъ
Всю можешъ прочишашъ, коль будешъ пер-
 пѣливъ!

Благодаря судьбѣ подобны нынѣ оды,
Какъ кажешся, почти выводяшся изъ моды;
Бышь можешъ ошъ шого, . что въ наши
 времена,
Не такъ шю жалуютъ все то, что старина. *)

*) Это опять крайность: въ старинѣ много и хорошаго. *Издат.*

Но какъ извѣстно всѣмъ, что были въ
прежни годы,
Въ употребленіи лирическія оды,
То нынѣ опъ того ихъ спали забываяшь,
И шолько изрѣдка мелькомъ кой-гдѣ пишашь.
Но правда что у насъ легко все въ моду
входишь,
И очень скоро все обычай нашъ находишь!
Въ употребленіе лишь споишь что внесши,
И будешь по у насъ немедленно въ чести.
Изобрѣшашелей хошь мало между нами,
Но подражашели огромными толпами
Во всякомъ случаѣ гошовой поддержашь.
Бѣда, когда бѣ у насъ рѣшился показашь.
Кто новый образецъ, особенно на полѣ
Словесности — тогда по волѣ и неволѣ
Одинъ передъ другимъ всѣ бросающа пишашь,
И преимущества въ достоинствѣ искашья!

Къ приѣмоплешенію спрасшь непри-
мѣшно находишь,

И постепенно въ насъ себѣ успѣхъ находишь;

Но естли же она усилишся когда,
То много ожидашь должно опъ ней вреда.
Она всѣ свойства въ насъ тогда перемѣ-
няешъ,
Ума, способностей и совѣсти лишаешъ.
Иной на что нибудь полезень бы могъ бышь,
Когда бъ опъ спроси сей себя могъ оп-
врашшь!
Любаго рѣмача вы въ образецъ возмите,
И съ истиной сего сужденія сравните.
Бываешъ вверженнымъ онъ заблужденья
въ мглу;
Онъ принимаешъ брань не рѣдко въ похвалу!
Онъ мыслишь, что его таланты всюду
чшяшся,
Спиши чшпающся, и что имъ всѣ дивяшся;
Что нѣкогда вспаритъ до самыхъ онъ небесъ,
И будетъ наконецъ въ числѣ семи чудесъ!

Обильные шворцы нечѣпостей раз-
личныхъ,

(Я болѣе не найду для васъ имянъ приличныхъ)

Къ вамъ обращаюсь вновь!... простишель
вы меня,
Что заблужденіе вамъ открываю я,
Въ кошорое на грѣхъ вы нынѣ ежечасно
Ввергаеше себя?... иль вамъ по все напрасно?
Иль никакой на васъ не дѣйспвуетъ укоръ?..
Иль вы себѣ въ хвалу вмѣняете позоръ?
Риемолепапели! вы жалоспи достпойны!
Счастливыцы пѣ изъ васъ, кошорые спокойны
Не зная совѣспи шерзанья и спыда!
Имъ равнодушіе эгидой навсегда!
Счастливыцы! укоризнѣ они не понимающъ,
И риемы набирашъ спокойно продолжающъ.
Ошвѣпспвуйте жъ шеперь: — не риомен-
наль чума
Лишила васъ на вѣкъ спосебноспей ума?...
Не риемы ли однѣ, несчастпные, единой
Лишь служашъ вашего безумія причиной?...

Не нужно гореспныхъ примѣровъ из-
числяшъ,

Чтобъ неоспоримостъ сей мысли доказашъ.

Не онъ одинъ, (я васъ могу увѣришь
въ помъ)

Въ семь случаѣ служишь намъ можешь
образцомъ!

И драмамъ Бибруса въ Обуховскомъ черпогѣ
Приличнѣе бѣ блисташь, чѣмъ въ книж-
номъ кашалогѣ,

Въ кошоромъ не спыдасъ мы видимъ, чте
онѣ

Намъ могушь проданы бышь по *такой* цѣнѣ!

И Шакеспиръ себя почель бы испуканомъ

Увидя, что у насъ съ

Съ его Опелломъ и Леаромъ сносны намъ!

О Бибрусъ! не ужель не чувствуешь ты самъ?

Ты бѣ лучше написалъ свою

Хошь кой-какъ риемами, чѣмъ пакоспною
прозой!

Печашай — и гордись ты гениемъ своимъ!

Твори, коль гений швой для насъ непоспи-
жимъ!

.
.

Неподражаемый! достоинъ ты вѣнца!
Въ тебѣ обязаны почести мы мудреца!
Мы даже Русскихъ буквъ почти не пони-
маемъ,
Тогда, когда твои творенія читаемъ!
И Тредьяковскій, дѣвъ Парнасскихъ гроз-
ный бичъ,
Самъ содрогнулся бы прочтя подобну дичь.
Онъ вѣрно бѣ возопилъ: „о опче мой ро-
гашый!
Конечно написалъ тебя чужна космашый!“*)

Неушомимый Климъ, усердный чпи-
пель музъ!

Разрушишь ли когда ты съ ними свой союзъ?
Надежда щещная! . . . коль смертный
часъ почувешь,
И эпиграфию себѣ самъ продикуешь,
До пѣхъ поръ будешь онъ, повѣрше мнѣ,
писаешь,
И сочиненія свои въ свѣстѣ издаванъ!

*) И мы невинные чпшашелл невольнo-содрогаемса.
Издат.

Нѣтъ нужды, что на нихъ большаго нѣтъ
расхода,

А у него что день, то припча, или ода;

Не мало сѣтуешъ самъ даже Глазуновъ *)

Что вовсе выгоды нѣтъ опъ его стиховъ!

Но Клима опъ того неунываетъ геній.

Изданье новое своихъ стихотвореній

Съ прибавкой новенькихъ посланій, басень,
одъ,

Онъ щедро выдаетъ едва въ всякій годъ?

Сколько плодовитъ Бурунъ! . . . нелѣпы
водевили

Его издѣлія, словесность наводнили!

Но говоришь объ немъ не смѣю много я:

На сцену выставишь, пожалуй, онъ меня!

Довольноль? иль еще изобразить вамъ
диво?

Фіалкинъ нашъ, пѣвецъ беспечности сча-
стливой!

*) Подразумѣваюшся книгопродавцы вообще: имя
извѣстнѣйшаго изъ нихъ употреблено шолько для
риемы.

Сколь онъ разнѣжился въ Элегіяхъ своихъ!
Какія помныя мы видимъ чувства въ нихъ!
Поешъ онъ намъ печаль — поешъ онъ жи-
зни радости,
И припорныхъ рѣчей неизъясниму сладость!
Его веселіе не можешь веселить!
Увы! онъ одинокъ! и не съ кѣмъ раздѣлишь
Осиротѣлому сей жизни наслажденій!
Съ порывомъ всѣхъ спраспей и пылкихъ
вдохновеній,
Прошедшія мечты воспоминаешь онъ!
Сколь часто бурный вѣспрь его разноситъ
спонъ!
Сколь часто бродитъ онъ въ дубравѣ надъ
попокомъ,
И сѣпуетъ на то, что угнѣшаемъ ро-
комъ!
Что можешь предпринять съ опцвѣпшей
онъ душой?
Какія радости въ сей жизни молодой
Воображеніе мечтателью сулило,
И вдругъ, невѣрное, столь рано измѣнило!

Въ уединеніи, въ безмолвьи пишины,
При слабомъ блескѣ чуть сіяющей луны,
Фіалкинъ нашъ всегда перзаается мечшами,
И обливаешся бывалыми слезами! *)

N. N. N.

*) „Что за бывалыя слезы?“ върояшно воскликнушь многіе изъ спрогихъ Г. г. книгосудей. Подъ симъ выраженіемъ, Милоспивые Государи, разумѣются слезы, ешлы не совершенно самыя, шо по крайней мѣрѣ весьма похожія на тѣ, кошорыми мы плакали нѣскольго времени шому назадъ, въ веселое или печальное состояніе жизни нашей. Впрочемъ не рѣшайшесь изобрѣшеніе выраженія сего приписывать мнѣ, да и не я одинъ грѣшенъ въ упошребленіи онаго. Не рѣшайшесь шакже выраженіе сіе, и нѣкопорыя другія, подобныя оному, почешъ нелѣпыми; въ прошивномъ случаѣ, я рѣшусь, въ оправданіе свое, указать на сочиненія нѣкопорыхъ Писателей, опъ еднихъ имянь кошорыхъ, вы почши оцѣпнѣшете. Само собою разумѣется, что въ сочиненіяхъ сихъ неподражаемыхъ Писателей, и самыя нелѣпости, принимающся за красоны языка Русскаго. *Согилит.*

XV.

К ъ Л и з ь.

О, Лиза! желаніе наше свершилось,
Которое должно намъ было имѣшь!
Прошедшее время теперь наградилось:
Мы радости можемъ вновь въ жизни сей
зрѣшь!

Но время разлуки и мы испытали!
Сколь долго перзала, жестокая, насъ!
Сколь часто, о милый мой другъ, возсылали
Мы къ небу просящій моленія гласъ!
И небо надъ нашей мольбою склонилось,
И все низпослало желанное намъ!
Прошедшее время теперь возвратилось,
А съ нимъ наслажденіе нашимъ сердцамъ!
Душъ нашихъ моленій и всѣхъ упованій,
О, Лиза! судьбина услышала гласъ!

Разлуки промчалось время спраданій!
Сколь сладостенъ нынѣ свиданія часъ!

Теперь наградилось и наше перпѣнье:
Мы въ радостяхъ жизни вновь нынѣ живемъ!
О, другъ мой безцѣнный! мы благодаренье
Судьбѣ милосердой свое принесемъ!

Исполнила наши она упованья!
Намъ нечего болѣе нынѣ желать!
Исполнила наши она ожиданья!
Сколь сладостно нынѣ намъ радость вку-
шать.

Чтожь медлишь намъ ею шеперь насла-
диться?
Жестокое время, какъ вихорь, лешить.
Вѣдь надобно будешь и съ жизнью про-
ститься:
Незванный гость скоро насъ смерть постѣ-
шитъ!

О, Лиза! увянетъ безцѣнная младость!
И все устремится тогда ужъ за ней!

Тогда наслажденій исчезнешъ всѣхъ радость;

Тогда ужь не будешь опрадъ въ жизни сей!

Не будемъ же медлить въ блаженной судь-
бинѣ,

Доколь охраняешъ она еще насъ!

Скорѣй насладимся утѣхами нынѣ:

Быть можешь ужь близокъ къ могилѣ нашъ
часъ!

2. 17.

XVI.

И С П Р А В Л Е Н И Е.

(Пьсня въ кругу друзей.)

Не время ли, други, оставишь
Забавы, пріятныя намъ?
Подумаемъ, чшобы доставишь
Веселье и будущимъ днямъ!

Смотрише, съ какой быстрою
Жестокое время лепишь!
О, други, оно за собою
И молодость нашу умчишь!

Смотрише, сколь быстро промчались
Утѣхи счастливейшихъ дней,
Которыми мы наслаждались
Не много еще въ жизни сей!

Мы знаемъ прошедшее время,
Но будущность скрыта отъ насъ!

Мы зримъ въ настоящемъ лишь бремя,
А смерть каждый ближе къ намъ часъ!

Все то, что для жизни приятно
Смотришь, съ какой быспрошой,
О, други, уже невозвратно
Мчишь время-рушишель съ собой!

Обманы красавиць забудемъ ;
Пусть будущъ насъ болѣ пѣняшь,
А мы постояннѣ будемъ:

И дружбы не спанемъ мѣняшь!

Исправимся — будемъ скромнѣ!
Пороки въ себѣ истребимъ ;
И будущность намъ ужь вѣрнѣ
Льспишь призракомъ будешь своимъ!

И Вакху мы жертвы не спанемъ,
Постыдной, друзья, приносишь;
И, словомъ, шалишь переспанемъ!
Пора и разумнѣ бышь!

Порѣже, мы будемъ спарашься,
Читая журналы, зѣвашь;

Разъ въ мѣсяцъ за нихъ будемъ браться!
Въ боспонъ — лишъ опъ скуки играшь!

О, милые други! не будемъ
Не должнаго вовсе желашъ!
Пороки свои всѣ забудемъ,
И спанемъ жизнь лучше вкушашъ!

Заняшъся своими дѣлами
Понудимъ себя мы самихъ,
И будемъ спарашельнѣй сами,
Какъ должно оканчивашъ ихъ!

Исправимся: будущность наша!
Прошедшаго не ворошимъ!
Въ залогъ — вопъ веселія чаша:
О, други! не будемъ шалишь!

В.

Апрѣля 10-дня
1814.

К О Н Е Ц Ъ

З А М Ъ Ч Е Н Н Ы Я О Ш И Б К И .

<i>Стр.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Читай</i>
IX.	17.	испинна	испична
XV.	12.	безпечень	беслечень
	2.	17. въ безпечносши	въ беспечносши
12.	4.	испинны	испичны
15.	4.	не	ни
34.	5.	И шолько изрѣд- ка мелькомъ кой- гдѣ писашь,	И мелькомъ кое-гдѣ лишь изрѣдка писашь,
35.	21.	имянь	имень
40.	14.	Но говоришь объ немъ не смѣю много я	Но много говоришь объ немъ несмѣю я:

Н А С Т Р А Н И Ц Ъ 45 .

К ъ с т и х у :

Скорѣй насладимся ушѣхами нынѣ: *)

Пропущено прилѣтаніе :

*) Желаніе Автора бышь счастливымъ супругомъ
Лизы.